

ГЕРМАНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV–XVII ВВ.: ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Авторами доклада на примере германизмов предпринята попытка не только проследить сложные пути заимствования, но и выявить проблемы лексикографического описания подобной лексики. Опираясь на данные уже опубликованных исторических словарей восточнославянских языков, возможно уточнить сведения о маршрутах заимствований и языках-посредниках.

Ключевые слова: германизмы, лексические заимствования, вариативность, частотность, лексическая семантика, исторический словарь, язык-посредник, лексикография, история русского языка.

Изучение германского влияния на лексический состав русского языка имеет долгую историю, что отражено в обширной библиографии по данному вопросу [1]. В своей работе мы ограничиваемся лишь историей проникновения лексических германизмов в русский язык указанного периода и проблемами их лексикографического описания.

Говоря о языковых взаимодействиях между Русью и германским миром, следует учитывать не только прямые контакты, но и контакты через посредство других языков, в первую очередь – польского, а также других восточнославянских языков, усвоивших немецкую лексику через польское посредство или напрямую. Это позволяет проследить сложный путь, которое может проделать немецкое слово, прежде чем появиться в русских памятниках Средневековья.

В докладе рассматриваются некоторые специфические особенности выбранного лексического пласта, пути их заимствования с учетом участия языков-посредников и проблема лексикографического описания лексики данного типа.

А. К. Рейцак выделяет следующие типы германизмов: 1) германизмы в широком смысле (чистые германизмы; новообразования на немецкой почве; неисконно немецкие слова, развившие значение, в котором были заимствованы, в немецком языке; 2) исконные германизмы, заимствованные через посредство польского и других языков [2]. Нас будут интересовать в первую очередь лексемы, принадлежащие последней группе, – те, которые проникли в тексты великорусской письменности через посредство польского языка, а также непосредственные заимствования исконной немецкой лексики этого периода.

При изучении истории заимствований важнейшими вопросами являются следующие:

1. проблема вариативности и связанная с ней проблема фонетико-морфологической адаптации лексемы;
2. установление языка-источника и языков-посредников;
3. частотность (узуальность) лексической единицы;
4. характер источников;
5. семантическая эволюция в процессе заимствования и т. д.

С учетом сложности поставленной задачи на данном этапе мы приняли решение ограничиться сопоставлением данных великорусских и некоторых старобелорусских исторических словарей.

1. Вариативность и особенности ее представления в словаре.

Проблема представления вариативности в словарной статье особенно остро стоит для заимствованной лексики. В продолжающихся исторических словарях заметна эволюция решения этого вопроса. Например, этимон *herzog* заимствован русским языком дважды. В форме *герцикъ* – около 1425 года, и в форме *арцугъ*, в свою очередь представленной десятком вариантов, в XVII веке. Обе лексемы не имеют семантических отличий. В 1-м томе СлРЯ XI–XVII вв. лексема *арцугъ* представлена одним заголовочным вариантом. Отсылка к варианту *герцог* нет [3: 54]. В 4-м томе заголовочное слово *герцикъ* сопровождается вариантом *герцюкъ*, сделана отсылка: *Ср. арцугъ* [4: 18]. Ни в одном из случаев не отражено иноязычное происхождение слова. За пределами словарных статей остаются такие обнаруженные в картотеке варианты, как *арцогъ*, *арцухъ*, *арцокъ*, *арцыкъ*, *арцыхъ* *арцохъ* *арцукъ* *арцыухъ*, представляющие несомненный интерес при изучении фонетико-морфологической адаптации заимствований. В связи с тем, что в СлРЯ XI–XVII вв. обе лексемы представлены только одной цитатой, составить представление о путях заимствования и усвоения слова в языке затруднительно.

Опыт предшествующих словарей решен в Обиходном словаре [5: 63]. Для заимствования *арцуг* указана этимология «[нем. Herzog]» — однако нет описания предполагаемого маршрута заимствования (через польское посредство) — и имеющиеся варианты *арцог*, *арцух*.

Проблема подачи вариантности заимствованного слова может быть вызвана разной этимологией. Показательна в этой связи судьба германизмов *бурмистр*, *буймистр* и *бургомистр*. Германизмы *бурмистр*, *буймистр* и *бургомистр* имеют общее значение ('выборный глава городского самоуправления') и различия в семантике (*бурмистр* употребляется также в значении 'правитель области'), обусловленные различным происхождением (из польского и голландского). В СлРЯ XI–XVII вв. находим три отдельных словарных статьи [3: 357, 350, 356]; две – в Словаре обиходного русского языка XVI–XVII вв. [6: 308, 307], в соответствии с их различной семантикой и этимологией. Однако различные пути заимствования показаны только в Обиходном словаре: *бурмистр* через польск. *burmistrz*, *burgmistrz*, из нем. *burgmister*, а *бургомистр* — из голл. *burgemeester*, ср.-ниж.-нем. *Borgemester*¹.

В Кратком словаре белорусского языка [7: 56] *бурмистръ* и *бургомистръ* описаны в одной, а в Историческом словаре белорусского языка [8: 256, 250] в разных словарных статьях. В Историческом словаре к заголовочному слову *бургомистръ* вариантов не указано, тогда как в Кратком они приведены (*буркгимистр*). Однако датировка вариантов отсутствует.

Подобная проблема обнаруживается и для германизмов *маршалок* и *мориолд*. Ср.-в.-нем. *marschalk* было заимствовано в русский язык двумя путями: напрямую и через польское посредство (польск. *marszałek* [9: 56–62]), что соответствует вариантам *мориолд* и *маршалок*, *маршалк*. Однако в СлРЯ XI–XVII вв. они объединены в

¹ Помимо отражения пути заимствования, в Обиходном словаре даны имеющиеся варианты: *бургомистр*, *бурхмистр*; *бурмист*. В СлРЯ XI–XVII вв., несмотря на то, что это и первый том, принцип приведения вариантов остается неясным, так как за пределами словарных статей остались формы *болгоместерь*, *боргомистръ*, имеющиеся только в картотеке.

рамках одной словарной статьи, этимология не указана [10: 32]. Между тем, семантика слова *маршалок* несколько шире: оно зафиксировано в трех значениях, тогда как *моршолд* (*маршолд*) — только в одном, что оказалось нивелировано в рамках одной словарной статьи. Таким образом, очевидна необходимость отражения в историческом словаре вариативности заимствуемых лексических единиц с учетом различий в семантике и этимологии.

2. Отражение маршрута в словаре.

Еще в 1915 г. И. И. Огиенко, описывая иноязычную лексику, предложил рассматривать польское влияние совместно с южно- и западнорусским [11: 69–73]. О необходимости учитывать влияние Юго-западной Руси и «простой мовы» на русский язык XV–XVII вв. (т. н. третье южнославянское влияние) писала также Хюттль-Ворт [12: 9]. Л. Гальди, описывая лексику романского происхождения, также говорит о важности уточнения маршрута заимствуемой лексической единицы [13: 10–12]. Попытки составить словники полонизмов, заимствованных в русский язык не напрямую, а через посредство украинского и белорусского языков, предпринимались М. Е. Собик [14]. Однако до сих пор именно этот аспект истории западного влияния на русский язык и письменность — очевидно, в силу его сложности — остается одним из наименее изученных. Выдвигались даже идеи отказа от исследований сложного «маршрута» того или иного заимствования в силу их якобы «бездоказательности» [15: 144–145]. Однако предварительный анализ данных современных, исторических, этимологических словарей русского, белорусского и украинского языков приводит к выводу, что сложность данной задачи, на наш взгляд, вовсе не должна приводить к полному отказу от попыток ее решения. Некоторые дополнения к словнику германизмов, заимствованных в русский язык сложным путем: через посредство польского, а затем и староукраинского и/или старобелорусского языков, можно сделать по результатам настоящего исследования.

В исторических словарях убедительные попытки представить в словарной статье не только источник заимствования, но и участие языков-посредников являются скорее исключением. Соответствующий раздел описания можно найти только в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера и в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., в последнем, однако, не для всех заимствований. Еще менее последовательно данная информация отражена в Словаре русского языка XI–XVII вв. — преимущественно в последних томах. Данный раздел присутствует также в Словаре древних заимствований белорусского языка А. М. Бульки, ср., например:

БАЛЬКА польск. *balka* < с.н.н. *balke* [16: 36]; БЛЯХА польск. *blacha* < с.в.н. *blëch* [16: 45]; БУНТ¹, м. [через пол. *bunt* из нем. *Bund* ‘союз’] [5: 305].

Среди исследуемой нами лексики выделяется группа ранних заимствований XII–XV в., часть из которых, вероятно, напрямую из нем., на что указывают особенности фонетической адаптации слов, а также локализация источника первой фиксации (северо-западные памятники), например:

плака (Никон.Панд.)², *провар* (Лавр.лет.), *ратман* (Смол.гр.), *рая* (Новг.харат.лет.), *моршолд* (Новг.лет.), *скалва* (Гр.Новг.и Псков.), *скалка* (Палея толк.), *скалы* (Библ.Генн.), *сколка* (Хрон.Г.Амарт.), *брады*, *брадовь* (Библ.Генн. Ж.и чуд.Никола, Ж.Нифонта).

² Сокращения источников даны в соответствии с правилами СлРЯ XI–XVII вв. [3; 4; 10].

Напротив, очевидно, через польское посредство: *баволна* (Сим.обих.книгоп), *бармы* (Дух.и дог.), *буда* (Ипат.лет.), *бурмистр* (ААЭ I, Рим.имп.д.), *герцик* (Ипат.лет.), *камка* (Гр.Нов.иПсков.), *кипа* (Польск.д.), *кобел* (Правила, Библ.Генн.), *коц* (дух.и дог.), *крук* (Гр.Новг.), *круживо* (Ипат.лет.), *кръповати* (кн. 12 прор.упырь), *маркрабий* (Рим.имп.д.), *маршалок* (АИ I), *морз* (А.Зап.рос.), *рудель* (АСВР II), *обруговати* (Псалт.толк.Г.), *снур* (Лог.Авиас.), *спица* (Хрон.Г.Амарт.), *вага* (Лог.Авиас.), *жажель* (Правила).

Отличительной чертой этой группы является фиксация в книжных памятниках, летописях или переводах с греческого, а также в грамотах и в ряде текстов, характеризующихся ярко выраженной интерференцией с простой мовой. В том случае, если «маршрут» остается за рамками словарной статьи, сделать соответствующие выводы без специального исследования невозможно.

Более поздние заимствования фиксируются, за редким исключением, в непереводах источниках (из переводных можно назвать следующие: Травник Любчанина, Устав ратных дел (немецкие оригиналы): Вести-Куранты; Назиратель, Х.Рад. (польские оригиналы) Вел.зерц. (латинский оригинал); Маргарит ВМЧ (греческий оригинал) и при этом преимущественно в текстах с явлениями интерференции, т.е. проникновением черт простой мовы. Среди слов данной группы мы выделили некоторую часть германизмов, которые могут быть заподозрены не только в польском, но и западнорусском посредничестве (польский - белорусский - русский):

blacha – *бляха* (н. XVII в.) – *бляха* (1674); *bunt* – *бунт* (1566) – *бунт* (1660); *bursztyn* – *буриштин* (XVII в.) – *буриштин* (1653); *grabarz* – *грабарь* (1536) – *грабарь* 1666; *hurba*, *hirta* – *гурьба* (н. XVI в.) – *гурьба* 1628; *huta* – *гута* (1569), *гутник* – *гутник* (1681); *klamka* – *клямка* (1571) – *клямка* (1665); *kryg* – *крига* (1516) – *крига* (1600); *bosak* – *басак* (1695) – *басак* (1689); *wizerunek* – *визерунокъ* (1596) – *визерунок* (XVII в.).

Информация о возможном сложном «маршруте» заимствования становится доступной только после подробного сопоставления данных нескольких исторических словарей с учетом установления первой фиксации заимствования в каждом из языков-посредников, а также с учетом характера источников, в которых оно фиксируется и даже иногда не без привлечения экстралингвистической информации (см. также ниже, п. 5).

3. Частотность.

Частотность заимствования является одним из важных показателей узуальности и укорененности лексической единицы в языке определенной эпохи. Так, примерно 45 % рассмотренных вариантов встретились в памятниках только однажды, что не позволяет рассматривать их как полноценные члены лексической системы, за исключением некоторых германизмов, сохранившихся в русском языке до сих пор (напр., *вахта*). Еще в четверти примеров германизмы редки (менее 5 примеров) или малочастотны (менее 10 примеров). И только каждый десятый германизм имеет довольно высокую частотность в памятниках (10–20 примеров). Самой высокой частотностью обладают 2 слова: *бунт* и *бурмистр* (более 20 употреблений). Среди рассмотренных словарей данный показатель учитывается только в Словаре обиходного русского языка.

4. Характер источников.

На необходимость разграничения собственно великорусских текстов (репрезентативных) и менее показательных (нерепрезентативных) при определении

узуальности заимствованной лексической единицы указывают Г. Милейковская, Е. В. Генералова и др. Для прослеживания сложного маршрута слова, – напротив, чрезвычайно показательными являются вторые, т. н. тексты с чертами интерференции [17]. Отбор характера источников принадлежит целиком концепции того или иного словаря и вкусовым предпочтениям составителя конкретной словарной статьи, по этой причине мы этот показатель оставляем за рамками обсуждения.

5. Отражение семантической эволюции слова в процессе заимствования.

Данные особенности, как правило, остаются за рамками словарной статьи исторического словаря. Частично данная информация может быть представлена в той зоне словарной статьи, в которой указывается язык-источник и языки-посредники. Однако для наиболее полного представления о семантической эволюции необходимо, очевидно, во-первых, указывать этимон и его семантическую структуру, в том числе многозначную, с учетом идиом, во-вторых, семантическую структуру лексемы языка-посредника.

В качестве примеров приведем два гапакса из русских памятников XVII в. Один из них (**цвак**) зафиксирован в Сборнике пословиц П. Симони [18: 154], что с большой очевидностью указывает на освоенность лексической единицы. Другой – всего лишь ситуативное переводческое решение в тексте Устава ратных дел [19: 189]:

И я въ после писанномъ визерунки (М. п. ед.ч.) *черезъ три — числа вписаль*
ср. в тексте оригинала: *Ich habts aber im nachfolgenden Exempel durch 3. eingeschrieben* [20: 126].

Визерунокъ восходит через польское *wizerunek* ‘портрет, образ’ к нем. *Visierung* в устаревшем значении ‘портрет, образ’ [21: 133]. В белорусском языке слово имело три значения: 1) ‘рисунок’ 2) ‘способ’ 3) ‘образец’ [22: 261], в истории украинского языка слово зафиксировано в 17 веке в значениях ‘рисунок’, ‘образ’, ‘план’ [23: 396].

Очевидно, что слово проникло в военный трактат на русском языке только в третьем значении, которое германизм развил уже на украинской и белорусской почве. Окончание *-и* в М. ед. *визирунки*, как кажется, также объясняется влиянием украинского.

Еще один показательный пример – история слова **цвак**:

цвак на полчетвертак [18: 154]

Восходит к ср.-в.-н.. *zwēs* или *zwīc* ‘деревянный или железный гвоздь, болт, штырь’ (н.-в.-нем. *Zwecke*). польск. *świek*, *śwek*, *świek*, *świok*, *śwak* [24], последний из которых фонетически наиболее близок к русскому **цвак** и, по-видимому, послужил этимоном для него.

Польское *świek* многозначно и склонно к широкому образованию переносных употреблений и активном участии в образовании идиом уже на польской почве. В украинском языке полонизм *цвях* заимствован только в первом значении ‘гвоздь’, однако украинский *цвях*, так же как и его польский прототип, широко участвует в образовании фразеологических сочетаний, ср.:

Стриміти (гвіздком (цвяхом, цвяхком)) в голові (в пам’яті, у мозку і т. ін.).
Постійно з’являтися, поставати у пам’яті, свідомості (про образи, думки і т. ін.),
невідступно переслідувати кого-небудь. <постоянно напоминать, воспроизводить в памяти (об образах, мыслях), неотступно преследовать кого-либо> [25: 939];

Первый из приведенных фразеологизмов показывает, что украинский *цвях*, как и его польский прототип, может метафорически быть концептуализирован как

‘беспокойство, неотступная мысль’ – т. е. украинским языком заимствуется не только прямое, но и переносное значение польского *świek*. И только в последнем – связанном, идиоматизированном употреблении – *цвак* и встречается во фразеологизме *цвак на полчетвертак* уже в старорусском источнике.

Отразить причудливые пути семантической эволюции заимствуемой лексики возможно лишь в специальном словаре, учитывающем также и все перечисленные выше особенности. Наиболее полно и наглядно эти возможности будут реализованы в словаре германизмов в восточнославянские языки через польское посредство, создаваемом проф. Г. Хентшелем при участии специалистов из Киева, Минска, Санкт-Петербурга и Москвы (предшествующий проект см. [26]).

В исторических словарях, как правило, не ставится задача показать сложный путь происхождения заимствованного слова, однако неучтение этих данных может приводить к неточностям в лексикографическом описании. В этой связи очевидна необходимость создания исторического словаря заимствованной лексики. Такая работа по германизмам уже ведется Г. Хентшелем. Работа по созданию базы данных полонизмов начата в ВШЭ под руководством Р. Н. Кривко и при участии авторов настоящего доклада.

Список литературы

1. Krivko, R. N., Hentschel, G., Pryhodzič, A., Pryhodzič, M., Taranenko, O. Bibliographie zu deutschen Lehnwörtern im Weißrussischen, Ukrainischen und Russischen. – Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. – 2016. – 58 s.
2. Рейцак, А. К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. Автореф. канд. дис. – Л. – 1963.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. – Москва. – 1975. – Т. 1: А–Б. – 371 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. – Москва. – 1975. – Т. 4: Г–Д. – 403 с.
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / ред. О. С. Мжельская. – СПб.: Наука. – 2004. – Вып. 1: А–Бязь. – 333 с.
6. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / ред. О. С. Мжельская. – СПб.: Наука. – 2011. – Вып. 4: Гагара–Гуща. – 311 с.
7. Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад. А. М. Булыка. – Минск. – 2015. – 1038 с.
8. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / А. М. Булыка. – Минск. – 1983. – Т. 2: Биець–Варивный. – 309 с.
9. George, Th. Средненижненемецкие заимствования в русском языке // *Russian Linguistics*. – 1976. – Vol. 3. – № 1. – С. 55–62.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова. – Москва. – 1982. – Т. 9: М. – 357 с.
11. Огиенко, И. И. Иноземные элементы в русском языке: история проникновения заимствованных слов в русский язык. – Киев. – 1915. – 136 с.
12. Hüttl-Worth, G. *Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550–1800*. – University of California publications in linguistics. Berkeley: University of California Press. – 1963.
13. Гальди, Л. Слова романского происхождения в русском языке: IV Международный съезд славистов. Доклад, представленный венгерской делегацией. – Москва: МГУ. – 1958.
14. Sobik, M.-E. *Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jh.* Hain. – 1969.
15. Милейковская, Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков. – Warszawa. – 1984.
16. Булыка, А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. – Мінск. – 1972.
17. Moser, M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. – Frankfurt am Main. – 1998.

18. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати П. Симони. – СПб. – 1899.
19. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки в 1607 и 1621 г. Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов [Радишевский]. / Изд. В. Рубана. – СПб. – 1777. – Ч. 1. – 236 с.
20. Fronsperger, L. Das Kreigsbuch. – Frankfurt am Main. – 1573.
21. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В. У. Мартынаў et al. – Мінск. – 1985. – Т. 3.
22. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / А. М. Булыка. – Мінск. – 1983. – Т. 3: Варэво–Вкупе. – 311 с.
23. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. – К.: Наук. думка. – 1982. – Т. 1: А–Г. – 572 с.
24. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnische Schrift- und Standartsprache [Electronic resource] / G. Hentschel, Andrzej de Vincenz et al. – Режим доступа: diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdlp/polnisch/cwiek.pdf. – Дата доступа: 30.01.2017.
25. Фразеологічний словник української мови. / В. М. Білоноженко, В. О Винник, І. С. Гнатюк та ін. – Київ: Наукова Думка. – 1993. – Кн. 2. – 984 с.
26. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnische Schrift- und Standartsprache [Electronic resource] / G. Hentschel, Andrzej de Vincenz et al. – Режим доступа: <http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdlp/>. – Дата доступа: 30.01.2017.

Пенькова Яна Андреевна, научный сотрудник отдела исторической лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат наук.

Соболева Александра Евгеньевна, научный сотрудник отдела исторической лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, кандидат наук.

Ya. A. Pen'kova, A. E. Soboleva

GERMAN LOANWORDS IN THE IN THE XVTH–XVIITH CENTURY RUSSIAN LANGUAGE: ROUTES OF THE BORROWING AND DIFFICULTIES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

The authors of the paper try to trace back sophisticated routes of lexical borrowings and to reveal the difficulties of the lexicographic description of the loanwords on the example of the German loanwords in the XVth–XVIIth century Russian language. The routes of the German loanwords and the mediator-languages can be specified with the help of the data from the historical dictionaries of the East Slavic languages.

Keywords: German loanwords, lexical borrowings, variability, word frequency, lexical semantics, historical dictionary, language mediator, lexicography, history of the Russian language.